18+

Мирослав Палыч

f63.9 или Луганск 001

поп-роман-fiction

Мирослав Палыч
f63.9 или Луганск 001. non-роман-fiction

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507497
ISBN 9785449068972

Аннотация

Любовный роман ностальгирует по времени «семидесятников». Повествует о непростых человеческих отношениях, о причинах неотвратимостей, что иногда случаются спутниками бескорыстных Чувств, не желающих быть разделенными.

Содержание

Бхагван, Толстой и другие…	5
Романтика	18
Девочка-принцесса	25
«Абба», Хампердинк и другие…	29
Как рождалась романтика	35
В светлом прошлом	38
Сегодня	43
Об Армагедоне, Сталине, о себе…	48
Еще из той жизни…	53
«Архивы КГБе» и небо Трои»…	56
Мечты студентские	60
В некий период…	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

f63.9 или Луганск 001 non-роман-fiction

Мирослав Палыч

Иллюстратор Владимир Абашевич Бовгунов

© Мирослав Палыч, 2018
© Владимир Абашевич Бовгунов, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-6897-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бхагван, Толстой и другие…

Совсем недавно оказавшись на юге Индии, я возымел, наконец, возможность встретиться со Светлейшим Shri Kuchakt, весьма почитаемым мною за его так созвучные мне свежие философские идеи и новую, изобретенную им науку – психологику, которой я из простого любопытства заинтересовавшись, затем увлекся основательно. Сидя на циновках в нехитрой, крытой пальмовыми листьями беседке с видом на полоску океанической бухты, что находилась в месте на удивление свободном от бетона, мы – трое (я, переводчик-индиец и сам Бхагван) пили чай – буро-зеленую несладкую, но удивительно освежающую в зной жидкость и пытались общаться.

Оттолкнувшись от темы шумов океана, наш разговор пришел к теме больших музыкальных форм, развития не получившей: «…искусственные звуки больше для неврастеников, не способных расслышать шелест листвы, шум прибоя и не умеющих от сонма *не своих* желаний пребывать в паузе неподвижности…». Так, к моему удивлению, и оказалось, что говорить нам было особенно не о чем. Притянутая «за уши» не без помощи молодого литератора-переводчика, белозубого парня-студента из «Дружбы народов», очередная тема – о литературе и писательстве также зашла в тупик. «…

Стоит ли проживать жизнь, навязанную книгами», – изрек невозмутимый философ, вяло кивнув мне, а, может быть, Океану, своим белейшим тюрбаном…

К концу нашей недолгой, скупой на слова беседы, я уже знал, что писать книги – это не очень умн**о** и даже, скорее всего, для взрослого человека – и глупо. Пожалуй, понял, что писательство зачастую нарушение основ бытия, потому как есть и свой опыт, а на *своем* опыте человек ближе к природе, к Идее его создавшей. От Бхагвана было мной также узнано, что большинство «писателей-прозорливцев» разделили участь несладкую, наверное, оттого, что нарушили нигде материально не отраженный, но незримо-негласно действующий, некий неисповедимо-целесообразный верховный запрет, до поры запрещающий тайну. Хотя те, из пишущих, кто разделил участь относительно «сладкую» – по Бхагвану отличались незавидной застереотипленностью сознания. … Когда я именно об этом подумал, Учитель произнес какие-то слова… «Стереотип – как вирус, кто его имеет, тот навязывает его другим…», произнес переводчик.

…«Но, необходимы же книги, когда нет опыта, …когда полноценная личность еще не сформирована.., когда нет своей жизни.., и необходимо же писать, …чтобы отточить мастерство…», – слабо и вряд ли «впопад» возражал я Мастеру наиновейшей философской школы. «Своя жизнь – есть всегда и у каждого. Личностью человек становится, когда к его божественному началу прикрепляются эгоизм,

алчность и агрессия… Мастерство же оттачивается в паузе неподвижности», возвращая меня к обрывкам недодуманных мыслей о значении «паузы» в жизни – перевел молодой индиец слова учителя, – терпеливо и снисходительно давшего мне договорить. …«Что делать, если не читать книг, и … что делать мне, если не писать, когда писать книги – единственно моя работа?» – задал я очередной вопрос отцу-основоположнику психологики. …«Просто жить, и пытаться разворачивать себя хотя бы по горизонтали в этой жизни для более полного принятия жизненных явлений в их взаимозависимой целостности. Так куда поучительней, богаче и целесообразней, чем по-книжному», – ответствовал Бхагван. Видимо, мое непонимание или несогласие с такой сентенцией передалось мэтру. «…Я же не сказал, что читать нельзя, ведь есть в природе азбука и письмо, да и сами книги. Сказано было о том, что читать в этом мире лучше далеко не все, что видит глаз», – вдруг ясно услышал я где-то в себе слова, не разомкнувшего губ, Бхагвана; невозмутимого, с едва-едва заметной улыбкой, погруженного взглядом в океаническую даль…

«Хотя в этом мире до поры можно все, что хочешь, это простительно, если нет своего малейшего опыта. …Точнее, п о к а нет своего опыта…».

В такт словам, или мыслям, непостижимым образом во мне слышавшимся, лобастый индиец еле заметно шевелил безукоризненно повязанным головным убором одновре-

менно с красивой, пышной, местами с серебряной проседью бородой. …«Книги лучше писать добрым, тем, кто любит людей… Это редкость: пишущие любят больше себя со своим написанным…». Услышал я в себе очередную мысль Бхагвана. «…А если человек умен, хорошо знаком с орфографией, …но не добр?..». …Тут мне вдруг вспомнились строки из давнего ко мне письма одной женщины: «…А если человек честен, – но не добр?..».

У меня ушло желание пытаться искусственно заполнить паузы в разговоре, и теперь я мог легко, в неподвижности, просто присутствовать рядом с замечательным гуманитарием-теоретиком, чье основательное учение пока, к сожалению, кроме как в Индии, только начинает быть скорее больше несколько известным, чем популярным, лишь среди избранных гуманитариев на азиатском Юго-Востоке и в Китае. Может поэтому я и *услышал* очередную мысль Бхагвана: «…Простительно написать просто „Словарь“, если вам дано видеть смыслы слов, отличные от уже известных. …Или, – можно написать, что Мир совершенен и предельно справедлив… и добавить к этому – нечего».

На этом наша «беседа» стала себя изживать; я вдруг воистину прочувствовал крайний недостаток в себе как доброты, так и должной подкованности в нюансах восточно-философского мировидения. Не сговариваясь, мы втроем еще долгое время не произносили ни слова, а лишь позволяли себе

быть открытыми напоминающим о вечности бархатно раскатистым тембрам океанских волн, неустанно полощущим серо-песчаную полосу индийского берега. Закрыв глаза и погрузившись в себя, открывая сердце для Вселенной, то есть, я, наверное, впервые понимал: как много можно приобрести, пребывая рядом с человеком больших духовных качеств – даже в совершенном молчании.

…Вот и получается, что писать глупо: ведь «*слова бедны, какие бы они ни были*». Примерно такой была последняя фраза, над которой я медитировал в тот раз, сидя на собственных голых пятках на берегу Океана в обществе Учителя, взывая к своей «внутренней качественности».

После встреч и бесед с небезызвестным индийским мудрецом-философом я, как говорится, и кожей стал понимать: любое произведение искусства, литературное, любой роман, какой бы он ни был, – всего лишь малая плоская часть существующей реальности.

Писание – не медитация, что дает свободу от лишнего и может, поэтому, натолкнуть на понимание, близкое к истинному, каким стоит делиться литературно. Скорее фантазирование. Когда пишем, то, идя на поводу у себя-автора, автора создаваемого своим же писаным, – не всегда самими собой пребываем. Являясь не собой, заключаем себя в стереотипные рамки и навязываем свои стереотипы, не дающие вдохнуть истинной реальности – и другим…

А если писать не для текста, – а писать от себя. Если выда-

вить из себя автора вышенаписанного и писать себя… Себя сегодняшнего… Что же могу написать, к примеру, я, пиша, со всей искренностью, нынче себя. …То, что, может, никогда и не любимая жена давно и, скорее всего, не без моей помощи, в могиле, а я спиваюсь и судорожно пытаюсь заработать написательством, чтобы содержать капризничающую любовницу, которую элементарная пошлая жадность не дает отпустить. И, которую ублажаю, поддерживая грыжу, – чтобы не дай бог, не уходила, и поэтому, давала возможность успешнее строить из себя для взоров окружения того, кем не являюсь, и спиваться дольше и претенциознее. …И, вероятно, что все именно так от, до сих пор никуда не девающегося чувства вины во все-таки безвременной смерти …еще одной женщины.

И зачем кому-то такое, или даже, – пусть, не такое, – «писание себя»? Да и самобичеваний всегда лживых в литературе достанет с лихвой и без меня.

Бесспорно, прав классик, утверждавший, что писать следует жизнь такой, какой она должна быть, а не какая есть.

Отчего же так жадно, спустя годы, «…В те дни, когда уж нет надежд, а есть одно воспоминанье…» – хватаюсь за перо, чтобы бледными заземленными словесами разбавлять прошлое; вкипевшие в сердце и мозг и навсегда ставшие частью меня – ею написанные строки? …От желания самореализации? …Пожалуй, нет, – на кой черт кому-то моя самореализация, как и мне чья-то. …От тщеславия? …Да нет, – не на-

столько же я уже, или еще, дурен и испорчен. …А не для того ли искроплены мною листы бумаги, чтобы приобресть побольше комфортных возможностей в виде гонорара для тела… Говорят еще, что есть какие-то «законы творчества», подталкивающие «просто – писать»… Да-а, все беды от него, …от тела. И как же тянет это самое наше, созданное для комфорта тело – лучше говорить «мое», говоря только о себе: вдруг ваше, читатель, тело не такое, в грех, в частности, - бумагомарательства.

…А может, – и пишу, чтобы по-своему навязать свое? … А навязка своего, как речёт почитаемый мной Shri Kuchakt, – не есть ли попытка оправдаться?.. Но молчать не могу – грешен. …«Пусть ваши слова будут да-да, нет-нет, а что сверх того, то от лукавого». Выходит: не могу молчать, потому что – грешен. …Хотя кто из нас без греха, кто не убивал любимых…

Ведь каждый, кто на свете жил,
Любимых убивал.
Один – жестокостью,
другой – отраву подавал.
Коварным поцелуем трус,
а смелый – наповал.
Один убил на склоне лет,
в расцвете сил – другой.
Кто властью золота душил,
Кто похотью слепой.

А милосердный пожалел,
сразил своей рукой…

Да.., изреченное ложно. Высказанное подробно – еще более ложно. Да и изрекает человек – не оттого ли, чтобы сказать ложь оправдаться. Так и есть: оправдываемся, значит, говорим в свое оправдание ложь. И чем подробнее говорим или пишем, тем более лжем. Но лжем не от прихоти. Делаем это, чтобы убежать от действительности. От действительности, которую сами же и соорудили… Которую, простите, сам же и соорудил: трудно говорить лишь о себе, и здесь хочется бежать от себя, интуитивно говоря от имени всех…

На днях по одному из каналов шел фильм известного телеведущего о Льве Толстом, о том, как он, Толстой, де – «не просто ехал куда-то, а от чего-то убегал, то есть, – убегал от жизни». Жизнь – широченна, будучи человеком с земными привязками, ее не объять. Конечно же, жизненные параметры, выходящие за рамки нашего понимания или осмысления, нас достают. И от этого «доставания» убегают не только «толстые» (хотя, я уверен, что такой человек, как Толстой, скорее всего, мог бежать от чего-то или кого-то только в поисках себя), тем более убегают от жизни и авторы, пишущие об убегании. Их писательство, все их творчество – и есть убегание. И есть ли здесь я – исключение…

…Наш «самый пролетарский писатель» советовал браться за перо, «когда назрело и хочется поделиться с другими». По-моему, скорее выходит, что за перо берутся, когда слиш-

ком уж заврались по жизни и требуются оправдания. Ведь не просто же вспоминаю, пиша как бы сам для себя… Драматург В. Розов, будучи уже в возрасте, незадолго до своей кончины на вопрос о том, каким был бы его герой в период «перестроечного слома эпох», ответил, что его герой всю пьесу просидел бы молча. Его герой просто сидел бы и молчал. На закате жизни писатель понимал: незачем говорить, чтобы от чего-то бежать, – оправдываться… Незачем говорить, то есть оправдываться. Особенно, когда не спрашивают.

Так что не только с помощью ног можно убегать от нагроможденного собою же в этой жизни. Актер Михаил Казаков в одной из телепередач довольно живописно и ярко рассказывал о суете: о том, что суетиться можно и заумно закатывая глаза, и важно говоря примерно следующее: «Фейхтвангер – это да-а-а!..» или: «Кафка – …это непостижи-ы-ымо…». …Суетимся, бежим… Хотя и понимаем, что суета – не добро. И, скорее, даже, – всегда зло. Но все же бежим, суетимся… Все потому, что суета, как и убегание (а убегание и есть суета), обладает свойством незаметности. Незаметно для себя бежим, бежим, избегая самих себя… А остановиться не дают то ли гормоны, то ли жадность, что начинается с элементарной быстроты действия… То ли одновременно и то и другое… А потом бежим от собственных энергий, которые накопили, убегая от собственных гормонов… И чем дольше бежим, тем более давит на плечи груз

прошлых ошибок, который от убегания не делается легче, а, наоборот, становится все более неподъемным…

…Неужели же нам этот, сродни

булгаковскому, «Бег», как вечное убегание от реальности, – пожизненно и безостановочно?.. Убегание от качества жизни… От качества жизни, которое ни где-то там.., – которое не подождет. И которое своей недостаточностью не испортит ли главное … – качество Смерти.

Безостановочный процесс – бег куда-то, как убегание от чего-то. Но, кто знает, может, в этом беге тоже какая-то жизнь. Ведь говорил Высоцкий, что ему неинтересно петь о том, как человек ест или спит. Бегущему неинтересен стоящий на месте… Бежать – наверняка лучше, чем есть или спать, что само по себе – также убегание от реальности. Но процесс в неподвижности физической, а не духовной может быть более и стоящим, масштабным и более глубоким, чем у бегущего. Бегущему, может быть, некогда до процесса глубокого – он пока бежит; только – не просто бежит, – убегает… Даже вот Нобелевскую премию дали на днях группе психологов за изобретение методики убегания от реальности …психологам, учащим убегать от жизни с помощью убегания в игры. Играть, только бы играть, чтобы не видеть реальности. …Да-а… не светит ареопагу из ученых мужей вернуть мир в реальность. Сладко человечеству, нагромоздившему себе целые пирамиды из унылой и страшной реальности, бежать от них же подальше. …А, может, это изощренные про-

иски не отстающего от времени Сатаны – занять человеческий разум, чтобы Человек не мешал своим рассудком ему, сатанизму, завоевывать пространство… Играющие никому не опасны: пусть играют. Пока играют в виртуальные войны, поверхностную попсу, телемыло; в религиозную одержимость или в «прозрачные выборы»… – для них реальности нет, они не сделают из нее «город-сад». А поиграть можно во все, даже в деятельность: «Время-не-ждет» – имя пытавшегося спрятаться за неотложной деятельностью от себя или от реальности постоянно одержимого работой золотоискателя – героя из одноименного рассказа Джека Лондона. Такая себя подгоняемая, без пауз, деятельность также видимо весьма необходима улавливающему человеческие рассудки и их затупляющему гражданину Lьяволу, для того, дабы сеять ложь и вовлекать более широкие массы в сатанински раскручиваемое его изощренной дьявольщиной колесо из лгущих и, не поднимая головы, работающих – что одно и то же – уже почти не людей, – двуногих существ, для которых смысл в деятельности – забыв себя. В деятельности ради деятельности, при полной неосознанности ими того простого факта, что вся-то их, эта самая деятельность и дадена им для того, чтобы во время деятельности себя не помнили. И ответственности, следовательно, не имели…

Сегодня, имея достаточный опыт общения с тем, кого почитаю, Учителем, я доподлинно знаю: в р е м я иногда имеет свойство – соглашаться ждать того, кто умеет работать

неодержимо.

…Светлейший Shri Kuchakt, как бескомпромиссный адепт реальности, – против всяческих подавляюще «игровых» тенденций в мировой психологии, но ему премии не светят; вряд ли сейчас время слышать толпе, мной почитаемого просветленного Учителя. …Убегание, – я, проникнутый идеями Бхагвана, так думаю, – только движение на пути к осмысленности. Всякий бежит, точнее, убегает, оттого, что не может остановиться. Остановившийся может бежать, но не бежит. Остановление между тем – сама осмысленность. …И, может быть, действительно, «…смерть и есть самая большая осмысленность, которую надо заслужить». … Так говорил – не Ницше устами Заратуштры, погруженный в свое, и не имеющий понятия об энергиях. Так говорил развернутый рассудком по всей земной, и не только, поверхности – Светлейший Бхагван, умеющий бесконечно принимать как свое бесконечно чужое и как никто понимающий энергетическую сторону жизненных явлений.

Только после бесед с ним, со светлейшим Shri Kuchakt – мне пришла в голову мысль – опубликовать ее письма, несмотря на то, что сам Бхагван писательское ремесло никогда не приветствовал. … Да и мне кажется, что если бы писатели меньше писали бы отдаленных от реальности книг, а чаще публиковали без исправлений интимного характера письма, писанные как ими самими, так и наоборот, ими получаемые от любящих и любимых, то, возможно, большая

была бы читателю от этого польза. Жизнь ему, читателю, от чтения таких писем, а не многих непотребных книг, писанных тем же иным автором, —виделась бы более реальной и полной, и более настоящей виделась бы фигура самого автора.

…Но, – не так ли, что в наши времена довлеющего убегания – «настоящий» автор может быть интересен разве что лишь юному судорожно начинающему психодидакту, не знакомому с эзотерическим словарем Shri Kuchakt и еще далекому от того, чтобы уметь не навязывать свое.

По этому поводу, или совсем без повода, – хочется сказать: «Да здравствует такая жизнь, которая не будет вынуждать нас оправдываться или от чего-то бежать! Да здравствует жизнь такая, прожив которую мы сможем понять, простить и взойти к принятию с благодарностью…».

Уверен, при условии именно такого проживания жизни «коммунизм» – или, если не он, то само нематериальное счастье, именуемое Любовью с большой буквы, однажды одолеет нас неминуемо. Одолеет непременно. Только бы снискать в этой жизни умение не бежать. Одолеет, где бы мы ни жили и – кто бы мы ни были. Даже если мы обанкротившиеся украинско-подданные сенегальцы, говорящие на русском, не платящие налоги и временно прозябающие на нетрудовые доходы в трущобах шумной японской столицы.

Такой «коммунизм», как просто Любовь, – это много больше, чем то, что можно потрогать в этой жизни руками.

Романтика

«Как и все, имеющее отношение к Вечному, названное вами словом – „романтика“,. несет в себе притягательное свойство неокончательност безначальной…».

Bhagvan Shri Kuchakt.

Таковой, не лишенной способности порождать созидательную грусть в душе человеческой, умеющей влечь удивляться окружающему, как и озонового слоя, в природе убывает: вытесняется из мира своим извечным обормотно-мурластым врагом – научно-техническим прогрессом; бежит от человечества на материальном заземленного…

Сегодня уже так не просто той, живой романтике, обретать души, умеющие в глубокости своей быть отзывчивыми красоте мира грустящей…

«На что же смогу я надеяться, если я потеряю тебя и что может еще удерживать меня в этом земном странствовании, где у меня нет утешения, кроме тебя, да и это утешение – только в том, что ты жив, ибо все прочие радости от тебя для меня недоступны…». Женщина написала. В XII веке. …Как много «тому назад»…

Для меня это огромное счастье – знать, что ты живешь на этой же земле. Что ты есть. Но я даже не имею права плакать, потому что все выбрала сама. Ни на что не имею права теперь. Только обязанности.

…После того чувства, что я испытывала к тебе все это время, ничто более сильное невозможно. Я сгорела тобой. Наверное, такой бывает единственная в жизни любовь. Возвратить и возродить такое чувство невозможно, …и не нужно. Ты во мне будешь до конца, пока я буду жить на свете. Это неизлечимо. С большой нежностью мне всегда о тебе думается.

…Жаль, что волшебники бывают только в сказках. Я бы попросила у них лишь одного: чтоб вся твоя боль и грусть стала моей. Если бы можно было это сделать… Если бы… Тогда я бы чувствовала себя почти счастливой… …Хочется писать тебе еще и еще, но уже мешают… Да и письмо пора идти тайком передавать. Пусть когда-нибудь оно найдет тебя…

Прощай!»

Из записок пациентки Сватьевской психиатрической лечебницы, представлявших интерес для теоретической психиатрии

доктора Жмурко, вынужденного по убеждениям. сотрудничать с партийными и КГБ – органами.

До сих пор, бывает, еще чувствую иногда просыпающегося в себе неисправимого романтика. Однако же – в совершенной окончательности определить для себя значение самого слова «романтика» – затрудняюсь поныне.

«…Буду лежать я на дне морском грудою белых костей,

вот что такое романтика, вот что такое любовь», – пелось когда-то на «сборищах» еще невзрослых человечков-школьников по вечерам в полутемных подъездах…

…Может, романтика и в этом, в том чтоб предъявить сквозь толщу пронзаемых солнечными лучами вод свои поэтичные останки, порыв демонстрировать какие мог возникнуть в поющих головах или сердцах нас-подростков, в свою очередь, от влияния иных песенных строчек из когда-то всенародно обожаемого фильма «Человек-амфибия»: «…лучше лежать на дне, чем мучиться на суровой, проклятой земле…». Культуре тех времен, по которой издавна была пристреляна идеология, удавалось учить нас чувствовать себя неловко оттого, что кроме одной шестой части суши есть еще несоциалистические «проклятые земли», на которых «мучаются» люди.

…Может, романтика и в этом… Но не «любовь», любовь, по-моему, то, что является после «романтики», может быть, – иногда из таковой вырастает.

…На телеэкране одно из былых – не моих, но времен романтических: адреналиновая романтика верящих слепо и, соответственно, тупо мчащихся на лошадях коллективов революционных. …Как ни воспевай фрагменты той героики «багрицкие» с «блоками», между строк видится: не удавалось тому времени быть осмысленным, слишком уж спешило то время, и человека успевало хватать на «любовь» к партии да к психически проблемным от одержимости революцией

лидерам. Кто не любил лидеров и партию – тот подгоняемый чекистами и приветствующим, творимую людской суетой поверхностность, гражданином Lьяволом, был также обречен, известно на что: на тот же самый – «Бег». …На быстроту действия, с началом которой тут же останавливается что-либо качественное. И вот с этой-то неадекватной быстроты, которая ни что иное, как банальная человеческая жадность, начинается одержимость, зомбированность, на что и подталкивает полноправный вышеупомянутый гражданин Солнечной системы, который на недостаточно чистых мыслях, порой являющихся в человеческих головах, и выстраивает людям задачи для набора кармы.

…Итак, не верю, что невыдуманная и взмечтанная романтика 20-х могла быть более полноценной, чем романтика моих, еще не потоптанных взметнувшимся стадом «слонов-перестройщиков», «негероических 70-х»…

…«Вы знаете пароль, – настойчиво повторил Штирлиц, – но я не прошу его у вас, это мелочи и игра в романтику.».

…Игра в «русских и немцев», скорее. …Уверен, что Штирлиц, любя езду в одиночестве по ночному Берлину и февраль, сам был романтиком, маскировавшимся под «анти» такого. Может, потому и переиграл «неромантика» Мюллера. Романтик, он, как всякая истинная женщина, – дополнительный орган слышания внутри себя имеет.

Что есть «романтика», понять непросто и потому, что у каждого времени она неповторимо своя.

«…Вы говорили о работе, о работе писателя.., – по дороге к отелю, как говорится, „в тему“ напомнил провожавший меня переводчик Пател. – В подаренном Вам Учителем „Словаре“ есть и объяснение термина „работа“. Если хотите, то я подготовлю для вас и этот перевод, как только возвращусь в Россию». «Разумеется, буду бесконечно признателен», – ответил я, тут же задумавшись о том, как будет выглядеть простое слово «работа» в трактовке индийского Мастера-философа.

«Бесспорно, Светлейший Бхагван – один из немногих в мире, обладающий такими стройными, и, может быть, единственно истинными знаниями о строящих Миры астрально-ментальных энергиях – как всегда, – не может быть не прав», – думал я, находясь уже в брюхе летящего из Дели в Москву воздушного лайнера.

…Действительно: роль автора сегодня иная, чем в той жизни. Ныне среднестатистический, расслабленный перестроечной пургой автор не злоупотребляет присущим приавторитарной манере строчкогонизма правом иметь мнение окончательное, и не пользуется в своих произведениях указующим перстом, за которым когда-то незыблемым терриконом хмуро маячила тень воспитывающей и направляющей роли однопартии. тойижизни

Сегодня автор предлагает, пытается удивить, ненавязчиво преподносит свое. Ведь мы, свободные от воспитательного довления однопартийных догм, уже рождаемся с уве-

ренностью, что жизнь значительно шире всякого написанного, объемней любого учительства, что пытается бать навязанным, даже если это написанное «Весь Толстой», само Евангелие или «История КПСС»…

И вот так с каждым днем мир, что, оказывается, не состоит ни в какой партии, все более ощущается нами, постперестроечными, взаимосвязанной, без границ, нигде не враждебной целостной симфонией. Мир – как балет и опера одновременно; плюс роман и поэма; джаз и частушка; и со всем этим он же – и трагедия, возможно, в цирке поставленная… И со всем этим, он, мир, еще и 40 тысяч или больше, самых разных вместе симфоний, где едва слышатся отдельными нотами мировые религии, тоталитарные секты, политические партии. Возможно, разве что медитация или глубокая предельно осознанная молитва иногда, в конце концов, сможет помочь устремленному, хоть однажды в жизни, ощутить этот Мир в полном созвучии всех разностей одновременных звучаний его симфоний – то есть – ближе к его развернутости настоящей…

…И поскольку «мысль изреченная – в мире частично ощущаемом – есть ложь», то мысль написанная – зачастую неправдива столь же. «И если не будем в суете читать, чтобы читать не то, и в суете же писать, чтобы писать опять же не то, может быть, сумеем вовремя и во всей широте оценить именно – То, изредка приходящее к нам, Большое, Светлое и исконно в этом Мире наше, на которое вовремя и адекват-

но отреагируем». Именно так учит «Словарь» Светлейшего Shri Kuchakt с основами психологики, дающий понять, – что есть «то», а что «не то», в этом, иногда поблескивающим развернутому сознанию своими невидимыми гранями таком сложном и одновременно простом мире. «Словарь», с которым пока еще так мало знаком наш читатель.

Не дал Бог крыльев женщине. Вместо крыльев дал ей мужчину. И женщина, чтобы летать, вынуждена искать его любовь. В этой жизни ей остается только надеяться, что этот самый мужчина, может быть, и подарит ей крылья.

Каждой женщине требуется чудо.

Девочка-принцесса

«…Эмэври! …Эмэ-эври!..» – однажды в юности ранней, в то время, когда романтикой были завораживающие синие ночи, что «взвивались кострами», мне, просыпающемуся под небом страны «счастливого детства», откуда-то послышался возглас «маленькой принцессы» – девочки. Ее голосок был где-то немыслимо далеко, но, в то же время, был так ясно слышим, будто звучал во мне… И какая разница, что означало это слово. Я внутренне понимал: этот крик пронизанного надеждой доверчивого неземного создания – призыв не забывать нечто чистое и светлое, что нельзя предавать, проживая эту непростецкую жизнь, которая только начинается и которая только будет…

С этого момента во мне поселилось прозрачное, как кружево, еще смутное, но понимание: каждая женщина втайне знает лучше всякого мужчины: куда лететь…

Отрочество…

Время, когда еще нет любви, а в полузрелых сердцах только начинает теплиться то, с чего она, любовь, начинается – жажда романтического. Именно тогда мы, кто рождены быть неисправимыми романтиками, ведем дневники, доверяя только им, и начинаем носить в себе не любовь, а лишь, как каждый свою интимную правду, – ту же самую романтику. Но с тем и учиться осмысленному восприятию действи-

тельности. И майской, бессонной ночью прекрасные, еще полудетские трепетные мысли «не о том», бесконечно варятся в голове взрослеющего, уже не ребенка, воспаляя сознание мало реальным, больше фантазийным инвалидски-эротическим образом, и рука тянется к созревшим и, возможно, уже налившимся желаньем гениталиям, что вдруг самовольно превратились в «свинец с крыльями»… Но вожделеннейшего, порожденного смутными мечтаниями объекта рядом нет и не предвидится, но если бы и был, то воспаленные представления не стали бы реальностью – слишком велик барьер между настоящим и тем – что в мечтах…. Романтика – (по Shri Kuchakt) – «фантазирование на низменном, съедающее созидательную качественность в человеке»*. … Здесь я со Светлейшим Бхагваном не со всем согласен, или чего-то не понимаю: я все же думаю, что романтика, по крайней мере, у нас, у начитанных бывших советских, – положительно, начало любви.

…Где же она сегодня, романтика, как начало жизни духа. Романтика, самые примитивные планы которой теперь не поймаешь с гитарой у костра, как в достославно-оттепельные шестидесятые, но какая просто могла жить в иных юных созданиях как ощущение Вечности. Такая романтика сегодня редкость. Ибо эпоху брежневского безвременья все же дававшую, оказывается, копить человечески-немелкие сердечные и ментальные качества сменила, по меткому определению Shri Kuchakt, – эпоха полного «вапизма»*, т.е. манера

жить, угнетая свою духовность потребительским прагматизмом во всех бытийных сферах.

…Да и бывает ли оно вообще, называемое «безвременьем», «брежневским», или каким другим? Уверен, «брежневского» не было, ибо это «безвременье» родило, как минимум, хотя бы Высоцкого, Шукшина…, «Белое солнце пустыни».., фильмы Тарковского… Да и как может быть какое-то «безвременье», если во времена любого «безвременья» живут на земле женщины, знающие, куда лететь…

Не от скопцов ли не способных видеть жизнь в ее полноте этот термин. …«Спасет не мир, но человека в этом мире – умение полноты целостного восприятия этого мира; умение сделать приятием все окружающие миропроявленности» – изрек Shri Kuchakt. Стало быть, – далее последней даты в календаре племени Майя ограниченным скопцам, придумщикам «безвременья» – «многая лета» не светит.

Временами память вдруг словно ни с того ни с сего ретроспективно окуная в прожитое, лишний раз убеждает: самые большие и настоящие в жизни Учителя – это наши близкие и любимые. Только они в значительной мере делают из нас тех, кем мы, в конце концов, становимся. Путь же или опыт становления человека Человеком, если настоящий, у каждого только свой собственный. Что касается мужской человеческой половины, то здесь мне даже трудно и представить, что у снискавшего способность к Любви с большой буквы, Любви безусловной, Космической, Любови плана Бо-

жественного, могло обойтись без Женщины. Без Женщины зрелой. Зрелой, не в смысле возраста, а со значительной, то ли сохраненной, то ли наработанной, или невесть откуда взятой сущностной женственностью; глубинно женским, и я склонен считать, интуитивно более правильным пониманием происходящего; более высокой, нежели мужская, шкалой ценностей внутренней.

Кто бы что ни говорил, – а была своя романтика и посреди унылого тоталитаризма, который, с такой вдохновенной бульдозерностью сокрушен, в том числе, и не без усилий твоих собственных. Вот она, жизненная дуальность: сегодня в период, уже далеко постперестроечный, чувствуешь себя – то наконец, освободившимся, то у н е с е н н ы м в е т р о м из среды, когда-то тебе до боли сродственно привычной, взрастившей свою романтичность в лавировании между рамок идеологии однопартии и не особо советским миром, утверждавшимся в кухонных посиделках, миром «битлов», бардства, …шопенгауэров, ремарков, камю…

«Абба», Хампердинк и другие…

Уже мне не суметь вспомнить в точности, с каких пор стала сопровождать нас по жизни именно «семидесятническая» романтика. Наверное, с самого нашего песенного детства, когда наряду с неизвестно кем производимыми гибкими грампластинками с «хэппишейками», являвшимися на фоне вполне пристойного, но малозамечаемого нами как отечественного творчества Бюль-Бюль Оглы – Кобзона – Хиля.., над страной, что еще могучей, не спотыкающейся поступью двигалась к коммунизму, прозвучали мелодии Рафаэля Грандье и «полузагранчные», румыно-советские, «Песни моря», на мгновения затмив для нас Хампердинка и Тома Джонса… В сверкающем только для отечественного слушателя водопаде советской эстрады любезным слуху ручейком журчали песни Ободзинского- Мулермана- Мартынова… Запоминаемыми и проникновенными иногда слышались отдельные «вещи» – так говорилось о наиболее удачных хитовых песнях горстки исполнительниц, среди которых заметнейшей была, конечно, Эдита Пьеха. Многое, из задевшего наши сердца песенного волшебства, пришло из шестидесятых. …Но конец шестидесятых принадлежал уже нам – семидесятникам.

…На взросшие в нас, семидесятниках, романтические всходы не могли не оказать и песни в исполнении Георга От-

са больше ценимого нашими «предками», чем нами, «Я люблю тебя жизнь», и в его же исполнении «С чего начинается Родина»…

…Говорю много о песнях, потому, – как уверен, что романтика и, может быть, потом нечто большее, чем романтика, начинает проникать в людские души прежде всего из песен, мелодий, которые человека окружают. К словам известной певицы «Любовь без музыки – глуха», что есть бесспорным афоризмом, я бы добавил «…а романтика – нисколечко недоступна»; любовные которые поначалу есть романтические струны, сродни, если не гитарным то скрипичным или виолончельным, и не чтящий никакую музыку вряд ли склонен любить или хотя бы быть романтиком. «…Тот не будет счастлив никогда» – не оставляя никакой надежды неромантикам, – тем, кто песни петь и слушать не умеет – заключил о песнях в песне Кобзон.

…Из «официальных динамиков» нам иногда слышались песни в исполнении Утесова, Бернеса, Шульженко, Трошина…, но такие были уже романтикой наших отцов, не нашей. …А поколению нашему, что стало от песен делаться романтиками, – припало многое другое … – от «Песняров» и Ясь, касывший канюшину, и Арлекин, довольствовавшийся одной наградой – смехом от неиссякаемой песенным творчеством Примадонны…

…А как вспленил завораживающий унисон синхронного единения голосов шведского квартета, что чудесно прорвал-

ся в социализм через какую-то немыслимую в нем прореху, попсово воззвя к невысыхающей романтической мечте. «АБ-БУ» даже показывали по телевидению, и тогда многие, начинающие приучаться к онанации комсомольцы, могли выбирать: о какой из одинаково прелестных солисток – блондинке или брюнетке – мечтать в такие моменты…

Это был одновременно и прогресс, и «тлетворное влияние Запада».

И еще множество чего другого, о чем, может быть, и грех бы не упомянуть, являлось на эстрадном отечественном небосклоне тех времен… Но об этом, вполне возможно, лучше помните, или вот сейчас вспоминаете вы, Читатель; песенная река эпохи «винила», над которой незримым – для большинства идейных советских меломанов – плыл «Свинцовый Дирижабль» – велика, не обязательно в одном месте в ней всем купаться.

…А потом, спустя уйму времени, для нас надолго явился абсолютный победитель, уцелевших от полного порабощения западными поп-течениями, отечественных частичек наших меломанных душ и виниловый многотиражник – «По волне моей памяти»…

Вот примерно те, из той жизни, официозно отмечаемые и нет культурные вехи, за которые мы, еще совсем желторотые, созревающие в романтиков-семидесятников, могли цепляться в период нашего сознательного отрочества. «Бобдиланы» и «диип перплы» на нас, семидесятниках, отмети-

ны оставили глубокие, но способности быть тонкими романтиками нам не прибавили.

…Первый «романтический» трепет и слезы у многих из нас когда-то вызвал фильм-баллада «Роман и Франческа»…

Песни, что из радиоточек дружным хором распевалала официальная архи-показушная, такая близкая, но далекая от нас, заплесневелая «молодежь, молодежь», песни, какие «не задушишь, не убьешь», – были для нас как необходимая привычная, повседневная туфта, которая, конечно, кому-то в огромной стране кроме благодарных слушателей из правительства и сельхозколлективов, может быть, – и была нужна…

Однако как же мы стали такими, отличными от пропагандной «молодежи-молодежи»? Как умудрялись не сверять жизнь с социалистическим протоколом, какой для всенародного пользования испражняло и затем сплавляло в народ умудренное преклоннолетием политбюро, а подхватывали «дынины» из «Добро пожаловать…», и, как «пустые сеялки», высевали протокольную культуру в самые широкие массы.

…Может, мы были, «иночкины», те, кто меньше сидели дома под опекой бабушек и родителей и не ходили в садики и дома пионеров, а больше слонялись или отирались (слово «тусовка» тогда было не в ходу) по укромным закоулкам дворов и привлекательным для подростков пейзажам совет-

ских долгостроев. Те, кто приноровились больше жить сами по себе, что означало – слушать «Can't Buy Me Love» под принесенное в полиэтиленовом пакете добытое в давке очереди разливное «Жигулевское» с друзьями, когда нет дома предков; тереться с гитарами по подъездам, пробуя закуривать горькие бычки в то время, когда надо было собирать металлолом и макулатуру, сдавать «ленинские зачеты», ходить во внеклассные кружки; готовиться к советским праздникам – учить стихи о партии по случаю дней Шахтера, Строителя, Металлурга… Когда надо было, не дай бог, не пропускать постоянных чествований старых большевиков, ветеранов войны, Героев Соц. Труда или ударников пятилеток. …Может мы были больше из тех, кто якшался не со сверстниками, а с блатноватыми старшими товарищами, которые могли с первого выстрела сбить из рогатки сидящего на проводах стрижа. В таких «товарищах», по детской жестокости и, вероятно, из врожденного чувства протеста против стереотипства, нам виделся пример для подражания более притягательный, чем в Феликсе Дзержинском, Павлике Морозове или примерном коммунисте – каком-нибудь партийски верноподданном капитане атомного ледокола.

Но как бы, однако, мы ни топорщились, все равно, как и вся страна, ходили все в тюбетейках и «семейных» трусах.

…До сих пор не могу понять: как можно было мириться с таким количеством семейных трусов и тюбетеек? Сейчас удивительно, что в каком бы регионе ни жил человек,

он имел синие «семейные» трусы, а часто к ним и тюбетейку. Именно в таком виде советские граждане и ходили по учреждениям торговли и быта требовать «жалобную книгу» …Нет, оговорюсь для рожденных в веке двадцать первом, не подумайте буквально: трусы граждан были, разумеется, под брюками, все было запущено не до такой степени.

Наверное, неуклюжесть легкой промышленности была неотъемлемой чертой тоталитаризма, а такой, в каких-то местах всегда бывает смешон. Но смешон совсем не в том его абсурдном кретинизме, преподнесенном менталитету больше западного читателя романом Оруэлла. …Сейчас же мне представляется: если по-сегодня еще нигде такой же логичный абсурд капитализма достаточно не описан, то дождется своего оруэлла – вот-вот…

Как рождалась романтика

…Еще не могу до конца сегодня понять – это куда же так быстро исчезла нерушимая дружба народов СССР; где гора из «золота партии» и откуда вдруг сразу в стране взялось такое множество попов и проповедников вместо «уголков атеиста»?.. И еще вот эти, наряду с попами, тьмы морочащих себя же всяческими методиками, психологов…

Еще в перестроечное время во мне родилось подозрение, что попы, психологи, как и многочисленные историки КПСС – и, как и я, разумеется, просто любители быть лентяями, а эти профессии в стране, где бутылка спиртного при необходимости тут же превращает в «психолога» (а то и в «психиатра-академика») любого, с кем выпиваешь, повод, чтобы и лентяям было на хлеб. Хотя, все ли работающие – не лентяи. А если их работа как убегание от себя – работа ли она… И только ли та работа по-настоящему, «работа», или деятельность по-настоящему, «деятельность» – если оплачиваемы…

Когда Пател, индиец-студент, бывавший моим переводчиком на встречах со Shri Kuchakt, принес мне переводы новых терминов из психологики Учителя, то, как оказалось, «самой большой на земле работой»* Бхагваном было названо просто – постоянное осмысление происходящего.

…И, помню, что значительно позднее в сексуальном на-

шем воспитании принял участие фильм от более раскрепощенных тогда, чем мы, поляков «Анатомия любви», который очень ругали письма ветеранов-пенсионеров, говоривших со страниц тогдашних газет, что «не за то они проливали кровь, чтобы их дети и внуки смотрели…». Что именно «смотрели», не помню, и спросить теперь не у кого: многим из еще тогда пожилых уважаемых ветеранов, что писали в газеты, не могло достаться болезненной ломки стереотипов об нынешнее, от отечественного кинопроизводителя, крутейшее порно в краснозвездных серпасто-молоткастых и с героическим революционным крейсером, интерьерах…

Думаю, или, точнее, помню, что романтика начинает просачиваться в человеческие души не только из песен и фильмов. Вот раньше, обиженный однажды не понявшей его зимней вечерней порой одноклассницей, какой-нибудь восьмиклассник-романтик мог сесть в большущий разгоряченный от мотора автобус и просто ехать по маршруту от кольца до кольца, пригревшись в самом уголке на задних сидениях.

Вот так вот, окунувшись посреди городской обыденщины и озабоченного решением последних Пленумов многолюдья, в свое горемычное одиночество; вдоволь наглядевшись в окно и обмечтав предмет своего обожания, придя домой, он писал вместо уроков назавтра стихи или прозу. Или же стихи в прозе, примерно такие: «Ночь. За окном зима. Стайки лохматых снежинок кружа, садятся на твою, так мне знакомую, непокорную русую челку, и на ресницы, скрывающие вол-

шебную голубизну твоих глаз, которые так и не видят мою печаль…». А восьмиклассник, способностей ко стихослаганию не имевший, в подобной ситуации теребил в своем воспаленном первой любовью, уме готовые песенные строки:

«…А я смотрю в твое окно,
тебе, быть может, все равно…»,
или:
«…летним зноем вдруг станет стужа
и поймешь, что тебе я нужен…».

«Не вернется вновь, не вернется вновь, не вернется вновь это лето к нам», – повторял себе в уме один из учеников самых безнадежно влюбленных, подрастающий будущий БАМовец. Так бывает у романтиков, – они мечтают о лете, которого и не было, но которое не вернется…

В светлом прошлом

…Сейчас вместо больших трудяг-автобусов по улицам городов резво снуют в конкурентной борьбе за пассажира куцые маломерки-маршрутки. Ехать от кольца до кольца в таких – романтика уже не та. Да и многое мне сегодня, может, уже по-старости, но видится все больше таким же поверхностным, обмельченным и «куцым»… Да…, «…столько усталости ранней в душе напласталось, что, видимо, это уже называется – старость». … Мог ли знать поэт, написавший во времена «брежневского безвременья» (которого не было, потому что не могло быть) эти замечательные строчки, ту от Бхагвана истину, что усталость в человеке бывает только оттого, что делает не свое дело; не то, что следует делать в данный момент. И только…

В той жизни многое за нас решала власть, или, как говорится теперь, «система», бывшая однопартийной, совершенно нам не дававшая в каких-то направлениях тужиться самостоятельно. И хотелось напрячься, не давали – вот где была заморочка. Всяческий напряг, и в особенности творческий, в то время требовался идеологически выдержанный, и результат его, за редким исключением, когда нельзя было замолчать произведение творчества нечиновничьего, был тут же искусственно представляем бдительными идеологическими фронтовиками от литературы, как взлелеянный по-

литикой партии.

Актеры, как жертвы двойной морали, лгали самым ужасным образом и играли в отечественных фильмах о героике тех или иных дней персонажей, каких, ими сыгранных, в действительности никогда не могло быть. …Многие из нас ведали, что «свободное» театральное искусство ютилось вроде как на «Таганке», но это было для узейшего круга столичного зрителя, и мы больше обсуждали постановки понаслышке, каких «живьем» не видели.

В многих, того времени, современных киновыдумках о партии, положительные герои много курили. Видимо, построители фильмов рассчитывали, что когда такой герой курит, то зритель должен понимать: в этот момент его голова занята самоотверженными высокопартийными мыслями, недоступными «неарийским» головам беспартийных. … Значительно позже в «Словаре» Shri Kuchakt я прочел: «Курение дано человеку для возможности жить нечестно»…

Редкое поэтство, писательство и художничество хоть иногда не запускало в своем творчестве «прооднопартийного петуха».

Нам же, молодым, жадным к жизни, изобилующей еще непознанными будто бы свободами, «чувакам», верноподданническая однопартии «система» так набила своей идеологией оскомину и виделась настолько отвратно навязчивой, что, в конце концов, нам скоро и навсегда расхотелось быть передовиками производств, знатными китобоями, кос-

монавтами и совсем не хотелось хоть раз победить в соцсоревновании. Огромное партийно-хозяйственное сердце загроможденной пятилетками и съездами страны для незаболевших построительством светлого будущего билось повсюду, но как бы где-то параллельно. И страна, словно бы где-то в стороне, всегда была занята каким-то большим делом: метала в небо космические корабли, строила заводы-гиганты, БАМ, поднимала целину и несла потери в «битвах за урожай», или доставала с отколовшегося куска льда очередную героическую или нерадивую экспедицию.

А мы все хотели от этого как-нибудь – да сбежать. Сбегали по-всякому: кто-то надевал неудобные наушники величиной с пару самокатных колес, давивших на кумпол как звуком, так и собственным весом и, прихлебывая из горлышка «три семерки», предлагал свои уши Оззи Осборну для сеанса сатанения мозгов или раскалывал себе голову, – чем другим, тем, что было задолго до «Рамштайна» и «Металлики»; … до засилья «легкой» или «тяжелой» наркоты.

…Мне, думается, больше повезло тем, кто мог сбежать от действительности, огороженной невидимым «железным занавесом», вдруг «въехав» во что-то из музыкальной классики или ненароком натолкнувшись на несоциальные поэтические строки, дающие хлебнуть свежести иного порядка, как то:

«Шел я вдоль русла какой-то речушки, /грустью гонимый. Когда же очухался,/ время стемнело. Слышались листья: /

мы – мысли! /Пар понимался с притоков речушки: / «мы – чувства!»…

В жизни той было нелегко не поддаться постоянно давящей – то завуалированной, то хамски прямолинейной – идеологической навязке, и не реагировать на спускаемые сверху циркуляры, требующие идеологического обрамления того или иного творчества; по сути, вынуждающие творческую братву принимать все меры к тому, чтобы ни в коем случае, вдруг случайно, не снять с глаз многочисленного населения огромной страны шоры, без которых можно было бы рассмотреть какие-то преимущества иного общественного строя. Таких книг, как «Мастер и Маргарита», казалось, было штук полсотни на весь Союз, за ними, чтобы прочесть, выстраивались очереди. Книги давались на одну-две ночи, не больше, и горе было их задерживающим.

Конечно, мы не только читали – и телевизор смотрели, который политически малограмотным, вроде меня, пацанам, требовался для «футболов», «Новогоднего огонька», КВ-Нов… Был еще «Кабачок 13 стульев», но нас, имеющих примерно один на десятерых «Sharp» – приемник с КВ-диапазонами, по случаю по дешевке выдуренный у желающего опохмелиться моряка на суррогатный польско-советский песенный репертуар, было не купить.

Тогда же настоящим мерилом степени «талантливости» литературного произведения в читающей стране было его полное отсутствие на прилавках, в библиотеках или присут-

ствие хоть где в отвратительно изданном или до непригодности затасканном виде. …Хотя, впоследствии, после бесед с Бхагваном, мне стало предельно ясно, что существенной разницы между большой и мелкой литературой нет; смотреть и видеть – две разницы: смотря как на каких тончайших мотивациях и энергиях осмысливается читаемое.

…Однако вряд ли стоит упоминать все – добрые и недобрые особенности жизни той, канувшей в лету, доперестроечной. Достаточно бы и какой-то незначительной приметы, в которой в одной, малой, возможно всегда разглядеть что-то обобщающее большое. Это было давно, это было и недавно. Но в той жизни моя родина-страна была столь великой и могучей в своем разнообразном единстве и широченности, что на чем-то одном остановиться, пожалуй, мне сложно, … и, по-моему, чтобы отразить столь могучее «безвременье» в немногословной мелочи требуется недюжинный талант художника – с буквы пребольшущей.

Сегодня

Сегодня, в этой жизни, фильмы не менее отвратительны, актеры, не ради идеологии, но заработка – врут многосерийно и свободно, хотя и врать-то, как следует, еще не научились. Книги поверхностнейшей тематики мерзят на прилавках примитивными названиями.

В той жизни, у нас романтиков были Джек Лондон, Фенимор Купер, Дюма… Сегодня, у «девяностников» Берроуз и «Чужие -3». …А из всех искусств для нас важнейшим стали замораживающие рассудок, но будто бы повышающие пресловутый «IQ», – а на деле трамбующие подростковую тупорылость компьютерные игры… И, тогда, в полное отсутствие тамагоччи-покемонизации страны, нам – студентам, еще пока не морочимым Мак Лаудом Бессмертным и Гарри Потером Превосходным, потомственно владеющими возможностями ради демонстрации возможностей, и спасающими наряду с Брюсом Уиллисом, ущербленное техногенизацией человечество, в свободное время вечерами оставалось читать Чехова или Олешу… И в жизни той для нас, подростков, вместо компьютеров были голубятни. …Хотя, вру, запамятовал, голубятни – это было у наших отцов, это они, в убегании от довлеющего сталинизма больше таращились на умеющих подняться над крышами птиц. А у нас, вместо нетворческого сидения перед дисплеями с мелькаю-

щими на них стреляющими рэйнджерами, и бьющимися автомобилями были стояния, с гитарами, в подворотнях, так не приветствуемые властью, считавшей, что все зло в социализме от патлатых гитаристов-самоучек, лабающих вечерами в подъездах и закоулках. «Мы влюблялись, смеясь была жизнь! Были силы хоть в бурю, хоть в драку! Нам хотелось спешить и грешить и, порою, хотелось в атаку…», – писали мы, семидесятники, наверное, надеясь этим убить резиновую двустандартную общественную мораль, забывая, что сами мы, затерянное поколение, живущее отдельно от чаяний страны, ничем не лучше или не хуже лишних людей печориных, которым просто не суждено…

Конечно же, все выношенное семидесятниками-романтиками на самых лучших энергиях, когда-нибудь придет в мир в полном объеме в виде другом, удобоваримом для использования и осмысления поколением нынешним. Когда-то и сердечно делаемое нами будет востребовано, как и то, что сегодня, может, еще невидимо творят сердечными мышцами и девяностники. Во мне жива уверенность, что какое-то значительное качество из семидесятых не пропадет. Не зря именно тогда-то и возник «знак качества».

…Девяностники сегодня пока зримо пишут все больше криминальные да женские романы и SMS-ки своим же, умеющим колбаситься, собратьям, что секут в рэпе, экстриме или коротают время в малоумном изнуряющем зависании в зомбирующих поверхностностью чатах.

До недавнего времени мне казалось, что я не столь уж одряхлел хоть внутренней сутью своей: способен где-то понять и молодых, тупо режущихся в «Doom», или читающих в метро Лермонтова с экранчиков мобилок. Но вот книга для меня, росшего в читающей стране, всегда была предметом значительным, и, может, поэтому сегодня тихо «охреневаю», другого слова не подберу, когда попадается на глаза в добротном переплете примитивнейшего, дальше некуда, пошиба мозготупящее мыло или же жлобская кинобандитская сага в надписи на обложке: «Это должен прочитать каждый». А то, «ново- заумственное», что считает себя обязанным прочесть каждый, кто «не каждый», птичим языком пелевиных писаное, по сути, – прелестеобразно, поверхностно; никаково. …Ловлю себя на том, что сталкиваясь с явлением такой неприкрытой, удручающе наступательной мурластости, – хочется, подобно иным, бесповоротно состарившимся, – говорить о конце Света. …Если только не вспомнить слова Shri Kuchakt: «Конец Света у каждого свой, личный».

Мы многое могли. Но многое и не смели, и на это многое, что не смели, просто не имели права, согласно условий и условностей той жизни. Достававший нас «масскульт» и «массимидж», от которых даже в недалеком будущем мало что остается, – существует во все времена. И девяностники, жующие отбеливающий зубы теперь недефицитный разносортный «чуингам» и постигающие литературу с электрон-

ных носителей, тоже, наверное, живут вопреки чему-то. Они также, видимо, живут вопреки тому, на что не имеют права, и этим самым «вопреки» и двигают по-настоящему свой «девяностнический» прогресс. И мы, многие, уже отупорылившиеся от утрамбованных в себе по возрасту стереотипов, семидесятники, зачастую не понимаем, что девяностники нам не «чужие», а всего-навсего – другие.

Наверное, имеют также и они, «девяностники», сегодня в чем-то с в о ю неповторимую романтику, которая лавирует между простецко-дурацкими фильмами; среди множества пестрящих дебильных обложек и хитроумных кампаний по выбору в депутаты или президенты очередных кандидатов, от клик бандитствующих или уже олигархствующих прохвостов…

Сегодня мне, пережившему перестройку (а может, как знать, «переломайку»), когда искусства, как им и положено в такие времена, стали катиться вниз, нагло акцентируемые примитивными «измами», видится естественным и закономерным: на сломах эпох многие деятели этих самых искусств некоторое время особенно акробатически-изощренно начинают кувыркаться в своем творчестве, прикрываясь примитивной ширмой новейшества. Это потом становится ясно, что никакого вечного искусства с угловато- наступательной биркой «авангардизм» нет и быть не может. А есть от еще непобежденных творчеством заскорузлых комплексов; от нетерпения и желания быстроты действия, какие

по Shri Kuchakt зовутся «энергиями жадности», нежелание копнуть глубже, чтобы осмыслить и творить на лучших человеческих энергиях то, что выше хиппизма и, во многом, направления авангардного.

Хорошо, я не особо писательствовал в то время, а то вдруг бы тоже «напетушил» и теперь было бы «мучительно больно» за понаписанное. А «напетушил» бы чего-нибудь точно: ведь с самого желторотого детства был очарован отовсюду слышимым про таинственную Цикаку Пэ-эсэс. Кто такой, такое, такая «Цикака», я еще не мог знать, но уже был автоматически призомбирован значительностью и загадочностью звучного вездесущего сочетания звуков.

Об Армагедоне, Сталине, о себе…

Став чуть старше, я уже смутно и отдаленно представлял себе, что есть на свете ЦК однопартии. И тогда же, помню, в какой бы эйфории ни пребывало балдеющее от хрущевской оттепели население Великой Социалистической Державы, мы своими детскими загорелыми носами тонко чувствовали еще исходящий от стариков, едва уловимый, не до конца улетучившийся запах страха когдатошней тотальной слежки. Страха, что могут ночью прийти «кто нужно» и увезти «кого нужно» и «куда нужно».

…Задрочь и смур. Вот чего уже почти нет в нынешней жизни, в искусстве. Нет когда-то присталой ко всему советскому люду тяжело отрабатываемой сталинского времени кармы в виде смура, какой уже не присущ поколению нынешнему. Нет и з**а**дрочи, непрерывно испарявшейся в социалистическое ментальное пространство от рев. настроенных вожаков, самих задроченных делом и временем всемирной рев. суеты, еще коснувшейся времени и брежневского. Только на старых фотографиях еще можно просмотреть эту задрочь и видеть этот смур, эту покорность тяжелейшей неподъемной судьбе, когда время было иное; карма страны в целом была иная. С желтых фотографий глядят лица, на которых написано: «Жить нам в коллективе все „лучше, все веселей“ … Но мы готовы страдать еще больше, если так на-

до Сталину, родной партии, делу победы революции во всем мире….».

…А сегодня… Какими незамученными бытом чертовски неоправданно красивыми и бесстрашными молодыми людьми пополнилась земля! В их глазах уже нет ни смура, ни задрочи. Они с совершенно другой кармой – без печати слишком уж гнобивших человека времен. Видимо, очищается она, земля, от грязи, что и отражается на людях. Раньше молодых людей старшему поколению приходилось лишь поучать, а этими, живущими уже на совершенно других энергиях, остается только любоваться. … (Прошлой осенью в одну из наших с ним, ставших ежегодной традицией встреч, Бхагван проговорился; совсем между прочим, невзначай, поставил меня в известность, что Армагеддон уже закончился, еще – 1 мая 2005года. И выходит: живем мы в эпоху развитого Апокалипсиса…*). …А может сейчас меньше смура, задрочи, и наполненности, а больше пустоты и похеризма оттого, что всякий идейный и безидейный смысл завтрашнего дня размылся?.. И люди красивы – от простой раскрепощенности?.. Не к «последним» ли векам приближаемся и рождаемся в энергиях красивых внешне, но внутренне «гоблинов», что более всего нуждаются в трансмутации, в переделке, какая возможна только в теле, только здесь на земле…

…Неужели и правда «последние века» отрабатываем на грешной, точнее, на уже почти очищенной от грехов планете… …И вот еще сегодня явление: как бы не сатанин-

ски устремленные в безэмоциональные знания своенравные, генетически не знакомые с жалостью, прагматики – Индиго-дети, мультиплеты*, которые …не читают, но иногда дают понять, что родились уже с прочитанной классикой голове и в книжном виде она им не требуется… И не вижу, что эти дети способны глубоко во что-либо устремиться. Кажется, что только и выжидают они своего часа, чтобы получить способность к солнцеедению, телепортации или чтению мыслей на расстоянии…

…А о временах былой тотальной слежки отдаленно «напоминают» спланированные, наверное, чекистами, стоящие по российским и украинским деревням домишки по обеим сторонам улиц, – постройки образца времен культа личности с вытаращенными друг на друга окнами. Хотя, может быть, архитекторы-чекисты здесь и не причем: сами хозяева-застройщики, затурканные революциями, чувствовали, что не на виду, за забором, вполне может окопаться враг народа. …Но когда я уже родился и мог вдыхать влажный неиссякаемый воздух, пропитанный запахом каштанов, то жили все так, будто этого страха никогда в истории и не существовало вовсе. Словно и самих репрессий и «культа личности» не бывало… Невозможность жить вне двойной морали была нам подсунута страной с детства. …«Раздвоенного времени приметы я чувствую мучительно в себе», – как великолепнейше посреди «безвременья» изречено аварским Мудрецом, так и не ставшим *кандидатом филологических наук*…

…Когда мне было лет десять, я стал проявлять склонность к рифмованию коверкаемых мною же слов, что забавляло и взрослых. «Ехали мудаконяки – это люди-коммуняки», – ляпнул как-то при гостях, невесть что пришедшее в голову, да так, что услышали все. В то время я много чего нарифмовал из всяческих исковерканных словес, но запомнил только это. Запомнил оттого, что потом мое ухо от отцовой оплеухи очень долго было похоже на фиолетовый капустный лист.

Вопреки распространенно бытующему мнению, что натуры романтические ранимы до болезненности, и по ушам их лупить нельзя, полагаю все же, что романтик – в конечном итоге – оказывается более сильным, а слаб он, точнее не слаб, а уязвим тогда, когда на своей романтической волне напрочь забывает, что в заземленном и «яростном» социуме иной раз следует защищаться от попадающихся на жизненной стезе воинствующих «неромантиков». …А вот есть ли воинствующие романтики, каких, «воинствующих», я не могу считать романтиками полноценными? …Может, таких большинство и было из «шестидесятников», что в свое время из тайги, у костров с гитарами демонстративно и отчаянно пытались навязывать «совковой» Системе мотив иной и дать понять, что кроме «Дома восходящего солнца» и «Черного кота за углом» – может быть еще что-то?..

…Что тут поделаешь, если гости могли не понять, а отцу, ушедшему на фронт добровольцем, доводилось кричать: «За Родину! За Сталина!» и «Коммунисты, вперед!». …

А сегодня я даже и не знаю, какие лозунги могли бы вытолкнуть меня из окопа под пули. Сегодня-то физически воевать я не буду ни с кем, потому как сегодня твердо знаю: те, кто «враг у ворот», – тоже всегда люди. А тогда, в период уже допризывной зрелости, но, может быть, недозрелости человеческой многие из нас ринулись бы в атаку на «реваншистов» с возгласом: «За битлов!». Или: «За Макаревича!», оттого, что любили его тогдашний хит «Новый поворот», который своей утонченной мелодийной четкостью и притягательной социально-роковой простотой перекликался с песнями «Битлз».

Еще из той жизни…

Бывшая система, правда, ради своей же безопасности – блюла в народе нравственность. Но может и потому жизнь и глубина чувств в людской социалистической среде не могли быть мелки и не упрощались так часто, как сегодня, массмедийно.

…И помню еще, что уже, став года на три постарше, я «нарифмовал», переиначив из Маяковского: « – Где ты был, павиан бесхвостый? / – Я был там, где растут пиджаки, /там, где пиво фонтаном хлещет, / где лапша – мне совсем до сраки". …„Причем тут «лапша?», – со стаканом кефира зайдя в комнату раздраженно спросил отец, которому на похмелье не помешало бы пиво, какое тогда – как это сегодня ни странно – не всегда было в продаже. Он не заподозрил, что устами подрастающего сына-рифмоплетца, возможно, говорилось о тоталитарной информационной лапше, так плотно висящей у всех на ушах, что ее мало кто мог или желал замечать.

В той жизни еще не было горячечной погони за зелеными деньгами, электронной почты, мобильных телефонов… и жизнь была не такая дерганная и суетная: в каком-то смысле под крылом блюдущей общенародную нравственность однопартии жилось, если не пытаться выше головы подпрыгивать, безусильно. И так как в той жизни почти ничего не со-

общалось о гибели шахтеров или забастовщиков, то если бы не похоронно-мажорные картинки со съездов в телевизорном экране, да не призывы к битвам за урожай и о помощи бастующим в США неграм, – они тогда еще не были «афроамериканцами», – жилось бы совсем спокойно и размеренно, – что в номенклатурном сумасшедшем доме. И для многих – особенно, думаю, для романтиков – в этом «доме» всегда имела притягательный аромат всякая открывающаяся возможность игнорировать «врачей», «класть на них», если точнее. Вот так всенародно и «клали» на руководящую и направляющую роль партии, вследствие чего со временем родился, вырос и возмужал всенародный «пох*изм», который в своей масштабности немо и веско потребовал что-то менять. И потребовал похлеще диссидентуры, едящей круассаны в парижских кафе или попивающей напитки заокеанского качества на Брайтон-бич в Нью-Йорке.

* * *

Когда вдруг по стране размашисто двинули перестроечные процессы, мы уже были далеко не бесшабашные нигилисты на букву «п», которые слушали «роликов» и уменьшали поголовье мотоциклов в стране, еще не зная при том, что можем называться заманчивым и обалденнейшим словом «байкеры». «Байкеров», «гопников», «ностальгистов»… и прочую новоявленную постперестроечную плесень мы, как «плесень» уже повзрослевшая, не могли понимать стопроцентно. Зато мы, семидесятники, все время дер-

жавшие руку на пульсе прозападной идеологии, менее болезненно, чем, может быть, другие, восприняли, что озвучила «perestroiyka» – то, что Александр Матросов был «случайно поскользнувшийся на льду башкирский уголовник» с совершенно другим именем; панфиловцев и Гастелло понапридумывала пропаганда, а без американцев, англичан и штрафбатов Великую Отечественную нам «никогда бы не выиграть». Интернациональный долг в Афганистане тут же стал сволочной калошей, куда нас заманили империалисты в качестве пушечного мяса; а неповоротливые своим «коллективным разумом» «кремлевские старцы/ под скрип их вставных челюстей\ швырнули как в топку\ цшвырнули как в топку\вет наших десантных частей…»*

Павлик Морозов и даже сама Цикака Пэ-эсэс оказались «западло» форменнейшими. …Самым шокирующим было «узнавать» то, что Ленин не тянул быть первым человеком после Иисуса…

«Архивы КГБе» и небо Трои»…

…Порой не верится, что все бывшее в той жизни как любимое, так и отвратное, осталось таким, каким действительно было, только в памяти – и больше нигде. …Некто* писал о небе Трои. Писал о том, что неба Трои никто не увидит. Не увидит энергетики именно т о г о неба. Неба над Троей. …Точно также никому не суждено увидеть неба бывшего СССР, будничного неба «бесповоротно и окончательно» победившего социализма, серые и белые тучи которого до сих пор плывут «…по волнам, …по волнам моей памяти, исчезая в этих волнах…».

Однажды, как-то уже во времена после свежеиспеченной перестройки, я вдруг почувствовал в себе бурление поэтственных начал, и стал корпеть над, может быть, не особо многоумным стихом, который долго у меня не клеился все выходил каким-то искусственно-пошлым и легкомысленным:

(Сказала мне девчонка с родинкой на лбе
– Зачем тебе, чудной ты, архивы кагэбе?
Ну стоит ли сегодня трусить репрессий пыль,
Неуж-то интересна времен ушедших гниль?
Сегодня взбалдевают новизмы Горбачева,
Реформа потешает, да жизнь могарычова..,
Сегодня да нам бы деньгами сорить!..

..Я взялся девчоночий пыл остудить.
Сказал я, что стоит рыть прежнего гниль,
Мол, верю, полезна минувшая пыль,
Которая есть, чтобы прошлое знать,
И в будущем рыло беды распознать,
Затем, чтоб историю впредь не марать,
Чтоб любящим в каторжные не пострадать;
И впредь для безумства бесовских стараний —
Неотвратимость должна наказаний…
Она ж мне в ответ – Все про это – мура,
Откуда мы знаем, что было вчера;
Историки – чмы, они всякое врут,
А те, кто полюбят – те разве умрут?
Я снова свое: – Да таких, как ты бестий,
Да надо лицом в черепа от репрессий…
Но вредная перебивает она
И тычет, отпив полстакана вина:
– Окурки, историю лучше чтоб знать, —
Полезно – не мимо, а в урну бросать!..
Тут я возражаю студентке капризной:
– Да что понимаешь ты в суетной жизни..,
Уж лучше – тебя приступаю иметь…
Она ж мне: – Расслабься и хватит дуреть,
И прежде меня соблазнять поимать,
Носки перед этим не вредно снимать!
…Полнейший облом. Но залившись вином,

«make лавить» не стали мы после потом…
…Ну, девка-студентка… – однако – бесок!
(назло ей не снял я на левой носок).
…Потом, – облегченно пуста голова…
«А может, – подумал я – Солнце, – права?»
И распорядился:
окурок – в помои…
Соблазное дело —

бесчестить былое.), но именно над ними, над этими, не везде «уклюжими» строчками сидя, внезапно проникся я одной, впервые показавшейся мне навсегда важной мыслью о значении истории. Не вспомню: мое это было или где-то случайно мной откуда-то позаимствованное, но я вдруг с предельной ясностью для себя – понял: «Все, что когда-то происходило – было необходимо». Творцу ли, нам ли, людям. Но необходимо. А оттого же, что когда-то происходило, история дает нам только жалкий каркас, далеко не всегда соответствующий всей широте и истинности когда-то бывшего содержания.

…Не потому ли так, что суть наша человеческая, менталитеты поколений со временем изменяемы – неузнаваемо… И «неба Трои» нам не увидеть – не оттого, что не повторятся цвет, формы и скорость движения облаков, а оттого, что – мы изменены необратимо. …Но, чувствую, чтобы я сегодня не написал, писанное мною так или иначе большей частью будет представлять – заметки человека, чья Родина – СССР.

И сегодня многие из нас, когда-то превратившиеся в романтиков посреди тоталитарного бреда чуваки-семидесятники – дети эпохи «винила», джинсового дефицита и повсеместного профицита баснословно дешевых и на удивление мало кому потребных в то время кубинских сигар, все чаще попадаются на городских улицах в образе одиноких неспешно бредущих, давненько не бривших субъектов. Точнее, бомжей, что на ходу читают обрывки англоязычной периодики или останавливаются под окнами дома, из какого доносится мелодия «роликов» или «тэнсиси»…

Мечты студентские

В некий период, в той жизни, я – студент, многими днями болтался по улицам… О, пора студенчества… Чудесное время накопления и упорядочивания в себе знаний, обретения опыта и пробы сил. Время, когда еще не совсем-совсем оборвалась связь и со счастливым детством, которая, еще мало требуя взамен, ведет по жизни, и еще обуславливает свежесть восприятия повсюду окружающего ландшафта. Самое время жить; достигать, побеждать, самоутверждаться и гордиться собой, своими достижимостями, своими маленькими и большими победами.

…Наполненность, вот мной еще не забытое, несравненное свойство 70-х! Наполненность, что была от одного на всех большущего социалистического Солнца! …А, может, просто от молодости эта наполненность, что бывает тогда, когда молодой человек, чей весь в здоровом эгоизме организм «шагает по Москве», или какому другому населенному пункту, еще не успел разочаровать голубое в пушистых облаках июньское, или бездонное в высоких мерцающих звездах январское Небо. И по причине его молодости доверчивое, в улыбке Небо, какое он еще не успел обмануть, и наполняет его своей энергетикой которую, может быть, этот молодой человек ему, Небу, когда-нибудь и вернет…

…В такие-то годы вдруг – оно всегда вдруг – и может про-

изойти испытание никоим образом нетренированных, или, наоборот, перетренировавшихся в книжных романах чувств. Потом и в том и другом случае оказывается, что это были не чувства, а временные привязанности, юношески максималистское желание владеть или просто переживание неглубокой страсти. И становится, в конце концов, ясно, что любили – не тех, и любовь была – не та.

Но бывает, в жизненной толчее тронет за локоть и настоящая любовь, которую можно не оценить, не принять и оттолкнуть. Оттолкнуть, может быть, оттого, что еще жадно хочется объять необъятное. И потому – то, единственно стоящее, которое рядом, – не есть незамечаемо. Да.., видимо, бывает: в начинающих, наконец, взрослую большую жизнь, – жив еще ребенок, что все время тянется только за новыми игрушками. И только спустя годы или спустя жизнь может стать понимаемо: незамеченное и отторгнутое когда-то было самым большим, светлым и единственно имеющим едва уловимый, тонкий запах Вечности.

В некий период…

В некий период в жизни той, я – студент, многими днями болтался по городским улицам может быть и напрягаемый мыслью: как буду расплачиваться – или не расплачиваться с родиной за все то многое, что она мне дала. Со стороны, думаю, виделся я привычно закомплексованным, как и многие другие граждане «единого и неделимого» оттого, что не полностью разделяю политику партии, не состою в её доблестных рядах, не имею хоть каких-нибудь льгот…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.